

того. Такое заключеніе понятно въ устахъ того, кто скажетъ намъ, что жить, вообще, не стоить, что жизнь сама по себѣ пуста и ничтожна и никакая обстановка, даже та, которую принято считать наиболѣе благоприятною, не можетъ скрасить ее. Но Толстой, обронивъ эту нелѣпость, вовсе не считаетъ безразличными условія, среди которыхъ живутъ люди: не даромъ онъ начертываетъ планъ распредѣленія времени, говоритъ о четырехъ упряжкахъ въ работѣ, выражаетъ сожалѣніе и негодуетъ, что милліоны людей сучиваются въ городахъ, занимаются фабричнымъ трудомъ, отрываются отъ непрестаннаго общенія съ природою, не живутъ среди полей, лѣсовъ и луговъ. Безразличіе, выраженное Толстымъ въ этой характеристикѣ, оправдываетъ такой конечный выводъ: разъ одна форма плотскаго существованія не можетъ быть болѣе счастлива, чѣмъ другая, то предоставимъ людямъ жить такъ, какъ сложилась ихъ судьба; пусть богатые живутъ въ своихъ обширныхъ хоромахъ и пользуются всѣми удобствами и роскошью жизни; пусть бѣдные надрываются въ непосильномъ трудѣ, голодаютъ и мерзнутъ въ своихъ убогихъ жилищахъ.

III.

Можно сочувствовать Толстому, когда онъ подвергаетъ критикѣ темныя стороны общественной жизни, говоритъ о тяжеломъ трудѣ огромнаго большинства, негодуетъ на равнодушіе имущихъ классовъ къ судьбамъ бѣднѣйшихъ. Правда, эта критика не только не содержитъ ничего новаго, но даже уступаетъ многому, что накопилось въ литературѣ отъ начала 19 вѣка. Критика хозяйственной жизни еще въ брошюрахъ первой французской революціи, у Фурье, Чартистовъ, Луи Блана, особенно же у Маркса и Энгельса далеко превосходитъ то, что даетъ Толстой⁷¹⁾.

Пытаясь объяснить тяжкое положеніе большинства людей, Толстой забываетъ о важномъ значеніи частной собственности на орудія производства. Въ замѣчаніи, что захватъ орудій производства капиталистами не составляетъ главной причины бѣдственнаго положенія работниковъ, сказывается поверхностное отношеніе Толстого къ явленіямъ народнаго хозяйства. Конечно, многіе работники, притянутые фабриками или занятые при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, имѣютъ клочки земли, т. е. орудія производства въ тѣсномъ смыслѣ слова; это часто встрѣчается въ Россіи, а иногда наблюдается и на Западѣ. Но участки такъ ничтожны,